

бред ракету

ТОМ
часть

К. 6240.

56340

АВРИЛО

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
учебная библиотека

Рис. Б. Фридкина.

— Стой, дед, с такой техникой в промышленный район в 25-ом году на Украине не лезут.

Воспоминанья прежних дней...

Рис. Ф.

...Упруги и колки
Иголки у елки.
Звездой и огнями
Сияет она.
На елке игрушки:
Хлопушки и пушки,
И сани с конями—
И даже луна.
Пред елкою дети—
В мигающем свете.
И елка к ним ветки
Склоняет, дразня,
И прыгают детки,
Цепляясь за ветки:
— „Мне пушку! Хлопушку!
Звезду мне! Коня!“...

ПРАЗДНИЧНОЕ.

... — Выпили это, мы и разговор религиозный завели. Я говорю: — Был! А он: — Ничего подобного!

Слово за слово, поспорили мы. Меня не-эк двинет в „рождество“, „звезды“ из глаз посыпались...

— Я человек, хотя и без предков, но всецело стою за рождество елку: она имеет большое воспитательное значение.

— То-есть?

— Ну, как-же! После праздника две можно драть детей еловыми ветками.

БЛАТНОЕ САМОЛЮБИЕ

Прага. Социал-демократическая партия „Право Лиду“ обвиняет в бойкотировании чехословацких товаров. Из 20 миллиардов крон, предназначенных для заграничных покупок, на Чехию падает только 1 миллиард. Газета видит в этом месть за непризнание его Чехословакией и призывает протестовать против такого бойкота.

В нарсуд соответствующего района поступило заявление гражданки Мокрецов, 25 лет, замужняя, дом. беспартийная—о том, что ее супруг, гр. Мокрецов, женатый, чл. союза совработников, беспартийный, до революции студент-технолог, в белых армиях служивший—выйдя такого-то числа из дому, в течение не возвращается домой. Усматривая в поступке гр. Мокрецова злостное укрывательство от выполнения супружеских обязанностей, гражданка Мокрецова просит суд принять к розыску ее мужа и истребованию с него алиментов на троих малолетних детей.

А через два дня в тот же нарсуд явился сам гр. Мокрецов и рассказал потрясающую историю своих злоключений.

* * *

Выйдя из дому в достопамятный день, гр. Мокрецов был усажен на извозчика неизвестным доброжелателем.

Прочтет сии стихи старорежимный „дядя“,
Вздохнет, утрет слезу, ругнется на-лету
И, в глубь минувших лет пытливым оком
Глядя,

Промолвит:—„Изверги! Убили красоту!“...
О елке загрузив, о буйном детском гаме,
Напьется тут же вдрызг, не зная, для чего,
И, снявши с брюк ремень, нетвердыми шагами

Отправится „учить“ сынишку своего...
Что о таком сказать, как не „отрыжка
быта“,

Где в елке—красота, где пьянство—бич
Семьи...

Есть для него ответ: не красота убита,
А сам то он убит „и богом и людьми“.

ТУЗ.

ПИОНЕР: И зачем это они елку несут?

— А, может, это заграничные концессионеры с образцами „Северолеса“?!

том проявление симпатий к себе со стороны своих многочисленных клиентов (гр. Мокрецов служит в окрфинотделе), несчастная жертва спокойно дала себя увести.

И только, когда извозчик остановился у какого-то совершенно неизвестного дома, на какой-то совершенно неизвестной улице, гр. Мокрецов понял, что он попал в переплет. Но делать было нечего.

— Привез! — коротко сказал прибывший с Мокрецовым известный, вводя его в комнату с плотно занавешенными окнами. Комната была переполнена весьма сомнительными личностями. За столом, накрытым черным сукном, сидело трое.

— Объявляю судебное заседание открытым, — сказал средний: — утвержденный состав суда: от скокарей — Петька Клинь, от маравихеров — Жорж Фокстротчик и от хипесниц — Сонька Ишь. Гражданский истец — Иван Косой от налетчиков.

Затем председатель обратился к дрожащему Мокрецову:

— Правда-ли, гражданин, что на прошлой неделе с вас пальто сняли?

— Правда! — крикнул Мокрецов, — да вот же оно на мне, — указал он на представителя гражданского иска, — этот самый и снимал. Спасибо, граждане сознательные воры, что решили мне возвратить!..

— Подождите благодарить, — сурово перебил председатель: — во сколько вы оцениваете ваше пальто?

— Двести рублей стоило.

— Когда стоило? — сплюнул гражданский истец, — в 20 году оно двести стоило; может и не рублей, а даже миллионов, а теперь больше тридцати за него не дают. Весь блабаз исходил.

— Хорошее пальто, — упорствовал Мокрецов, — и подкладка почти целая. Впрочем, если вы постановили мне вернуть, так причем же здесь цена.

— И ничего не целая — опять вмешался гражданский истец — мыши давно вашу подкладку с'ели, гражданин! И локти прорванные, и полы бахромой висят. Не пальто, барахло. Можете убедиться, братва. Между прочим, дорогой гражданин, шуба-то у вас имеется? Хорьковая.

— Имеется.

— И позвольте вас спросить, когда в Москву в командировку ездили, то вы не пальтишко это, а шубу надевали?

Собрание загудело.

— Ишь, как в Москву, так хорьковую шубу надевает, московским налетчикам шубы предоставляет! А как харьковскому — так рвань на рыбьем меху! Езуиты! Грабят нашего брата харьковского налетчика!

— Тише! — стукнул по столу председатель, — объявляю решение суда. Суд признает гражданина виновным в заведомом пренебрежении интересами харьковских блатных и постановляет требование гражданского иска удовлетворить. А посему, гражданин, будьте добры передать налетчикам вашу шубу. Пальтишко можете получить обратно. А за злостное уклонение от обязанностей честного гражданина по отношению к харьковскому налетному сословию — вы подвергаетесь аресту на 10 суток.

— Вот почему, — объяснял похудевший и осунувшийся гр. Мокрецов в нарсуде, — я только сегодня вернулся в лого семьи.

К. Котко.

Рис. С.

Рождественские „визитеры“.

ХЛЕБОСОЛ.

— Что-ж это вы, хозяин, ничего не кушаете?

А это я, так сказать, подаю добрый пример гостям.

Получена радио-телеграмма от
Миши Нетудыкина
(См. стр. 10).

Предлагаемая ниже проповедь посвящается начинающим религиозным агитаторам, стремящимся соединить религию с революцией. Она может служить для них и руководством к объяснению Нового Завета в духе современности, не в разрез с принципами советской власти.

С этой мыслью мы и приступаем к изложению нашей проповеди.

Известный капиталист, владелец фабрики ангелов и завода кислорода, Дух Святой Богоснизшел до работницы Марии. Не признавая Закса и пользуясь несознательностью работницы, он вступил с ней в связь. Когда же Мария забеременела, наглый эксплуататор трудящихся рассчитал ее без всякой компенсации, не выдав ей ни спец-питания, ни спец-одежды и не уплатив за время беременности и родов. Являясь буржуазным филантропом, он позаботился о подсыпании подставного отца своему будущему ребенку и для этого обручил Марию с малограмотным крестьянином Иосифом, членом Комнезама. Таким образом, пролетарское происхождение младенца было обеспечено.

Роды Марии совпали с переписью трудового населения на предмет выявления злостных неплательщиков налогов из буржуазии. Граждане подвергались переписи в местах приписки к Биржам Труда, к Соцстраху, Соцбесу и к воинским участкам. Поэтому Иосиф и Мария отправились в Вифлеем.

Там их застиг квартирный голод, и, не имея защиты ни в Жилотделе, ни в Жилсоюзе, ни в Жилкоопсах, они должны были поместиться за отсутствием комнат в сарае. Новорожденного же, благодаря его пролетарскому происхождению удалось поместить в ясли. Таким образом, истинный сын буржуа очутился на трудовом положении. О таком чуде знакомый телеграфист, член союза Нарсвязи, оповестил по радио всю страну.

Известные пастухи, а на самом деле — кулаки, владельцы колоссальных

стад баранов, решили спекулировать на жуже, рожденном в яслях и примазаться к нему к пролетарскому движению. Это первые представители мертвой церкви.

Так как в Палестине железных дорог не было, то пастухам пришлось на аэроплане поспешить в Вифлеем, дабы никто не захватил раньше них эту выгодную сделку. Застав там Иосифа с Марией, они возвестили о возможности жирно заработать, на что Иосиф, как несознательный неграмотный, а Мария, как безработная, оторванная от профорганизаций, моментально согласилась.

Реклама была поставлена на широкую ногу. Сотни ангелов, закупленных на известной фабрике, были разосланы на аэропланах по всей стране. Во многих местах, на перекрестках больших дорог небо было электрофицировано инициалами новорожденного. Радио непрерывно передавало соответствующие моменты новости о ребенке. И все это возымело действие на страну. Весьма быстро расхватали по постановке дела окупались доходами от стада, пасомого именем младенца, которого рекламные проспекты приписывали энциклопедические познания в вопросах омоложения.

И действительно, 33 года работы Иисуса и 12 ассистентами дали ему возможность доказать на личном примере всю выполнимость омоложения, названного мертвой церковью Воскресением Христова. А теперь даже сама церковь омолодилась, — и из мертвой стала живой.

Мы надеемся, что проповедь, подобная этой, соберет больше слушателей, чем обычные пересказы нового завета, практикуемые неопытными проповедниками. И потому горячо ее рекомендуем всем начинающим работникам по религиозным вопросам. Желательна анкета среди присутствующих для того, чтобы определить, сколько безбожников наша проповедь обратила в верующих.

Владимир Симушенко.

„Курсы“.

(Монолог с польского).

— „У нас, проше пана,— страна ма-
нькая и не бардзо богатая. Живем в
придоре“. У нас, проше пана, ка-
кий кусочек свинца на учете, потому,
проше пана, если мы на каждого „внут-
реннего врага“ свинец будем расходо-
вать, то, что же, проше пана, останется
для врагов внешних?

В виду такой нашей политики с эко-
номией, а также для поднятия особой
квалификации в смысле поднятия неугод-
ных личностей под перекладину, то у нас
преджлены, проше пана, особые курсы
в правах „высше-учебных заведений!“

Курсы наши еще молодые и выпу-
сков, проше пана, еще не производилось.
Мы, проше пана, вообще не собираемся
производить выпуски наших курсантов,
так как выпустить его из курсов, а „бла-
годарное население“ и разорвет кур-

санта на кусочки от „полноты призна-
тельных чувств“.

Мы, проше пана, создаем для наших
питомцев особую обстановку, мы кормим
курсантов „кровавым ростбифом по поль-
ски“ и супом из красных раковых шеек,
которые косвенно должны напомнить на-
шим курсантам об их шейной профессии.

Практические занятия у нас произ-
водятся „без суда и следствия“, а суд
и следствие со своей стороны готовят
для наших молодцов новую работу.

Итак, проше пане, из всего выше-
сказанного вы можете убедиться, что по-
становочка на курсах самая европейская.

Рекомендуйте-же наши курсы всем,
кто за католическую церковь и за де-
мократическую республику панства
Польши.

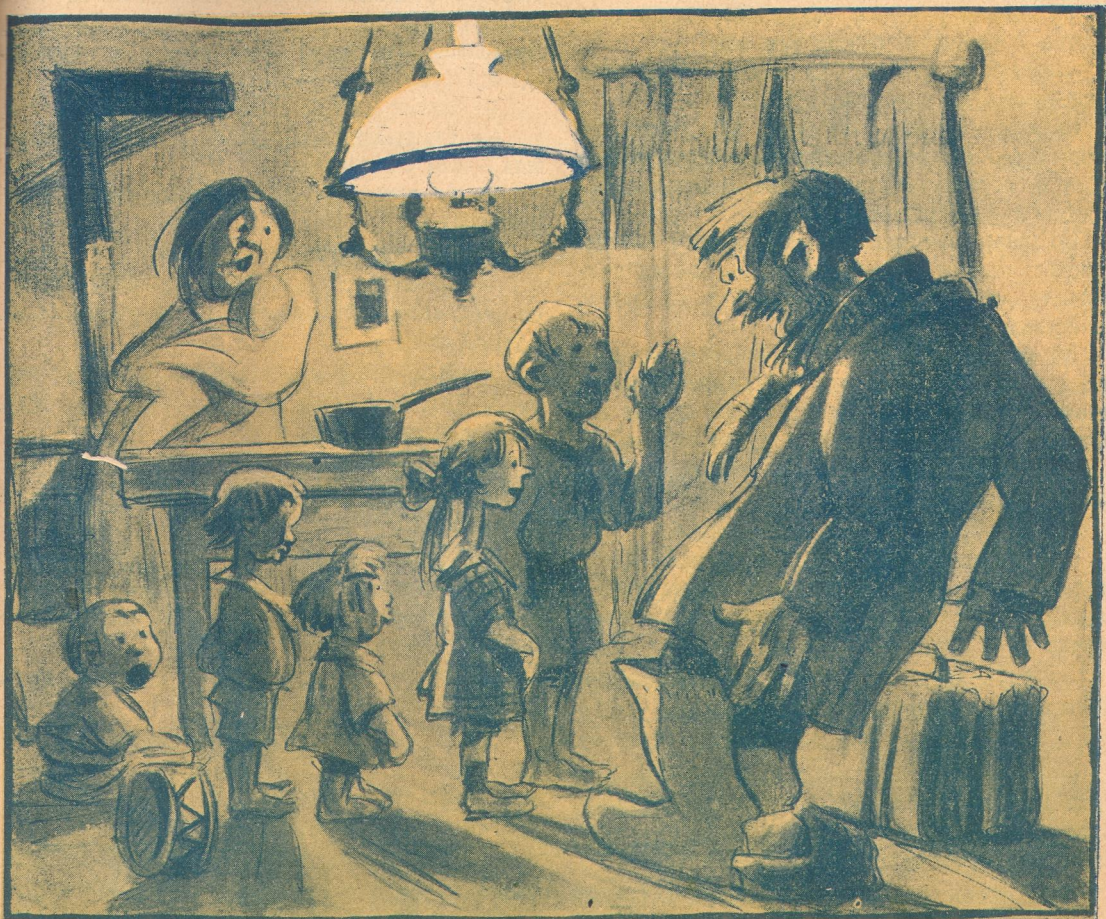
Укажите всем, что „работа“ наша
„чистая“!

Укажите, что без мыла мы никого
не вешаем!

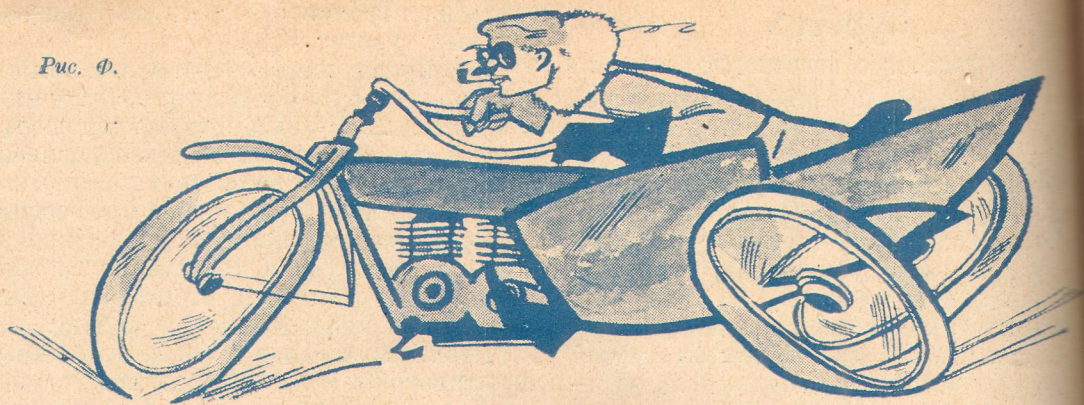
Л. Митницкий.

„Рождественская история“.

Рис. Уманского.

ДЕТИ: Папа! Дорогой! 20 лет тебя не было дома! Мы рады тебя приветство-
вать от имени „трудовых“ алиментов!

Паки и паки... о рождестве.

Была рождественская ночь. Собственно не ночь, а вечер. Декабрьский мороз, как полагается в такие вечера, крепчал. На земле был мир, в человеках—благоволение, а на окраинах города—мрак и разделение.

А на небесах?

Христос в 1925-й раз почувствовавший, что он должен родиться, задумчиво поковырял перстом в носдре, и сказал сам себе:

— Слетать что ли на землю. Как там люди празднуют мое рождество...

Сказано—сделано. Вырвав из хвоста св. духа перо, он приспособил его в надлежащем месте и, оттолкнувшись от неба, полетел с быстротой лунной ракеты.

По мере приближения к грешной земле, Христос, одетый в легкое одеяние, начал чувствовать, что у него «мороз дерет по коже». Но назвался Христом.—терпи.

По какой-то странной случайности он очутился в центре большого, освещенного множеством огней, города. Улицы были полны народом. Весело катили лихачи, гудели автомобили и посвистывали милиционеры, регулировавшие уличное движение.

«Никак Москва» — подумал Христос.

— Вот он, современный Вавилон! Чтобы господу богу и сыну божьему помолиться в церкви, а они шляются в такую ночь,—проворчал он и с досады плюнул.

— Гражданин! — окликнул его милиционер. На предмет плевания урны поставлены.

— Аз есмь сын божий! — ответил Христос.

— Это меня не касательно. Удостоверение милиции имеется? С вас полтинничек штрафа. А за появление на улице в неподобающем виде, особливо... Куда ж ты? Держи!..

Но Христос был далеко. Свернув в темный переулок, он присел на лавочке у каких-то ворот, чтобы собраться с мыслями. Из темноты слышался женский голос:

— Ваня, в церкви скоро звонить наче... В эту ночь Христос родился.

— Хри-и-истос! — передразнил мужской голос. — А ты его видела? Брось эти поповские бредни. А ну-ка, пусть явится, я ему покажу, где паки зимуют!

При последних словах Христос сорвался с лавочки, прошептал:

— Отойди от зла и сотвори благо. При из этого города нечестивых!.. Владея в совершенстве техникой летного искусства, он через каких-нибудь полчаса был уже в Харькове. Прохожие удивленно рассматривали странного одетого субъекта.

— Никак из иностранной делегации?!

— Гражданин! — обратился один из прохожих, — кто вы такой?

— Аз есмь друг всех страждущих и обремененных...

Мнения прохожих разделились.

— Не иначе как представитель МОПРа, — сказал один. — А, может, и активный член «Друга детей».

— И чего вы пристали? — возмутился другой. — Человека видно раздели грабители. Надо милиционеру заявить.

— А вдруг растратчик и прикидывается. Надо задержать для выяснения личности. Где ж он?..

Но Христа и след простыл. Он уже стоял перед гостеприимной дверью Новой Баварии, с удивлением прислушиваясь к разухабистым звукам фокстрота.

«Толпыте и отверзется» — подумал он и вошел.

За столиками сидели люди разных возрастов и положений и тянули из стакана какую-то желтую жидкость. У одного из столов какая-то одинокая мрачная фигура рычала:

— При-и-дите пиво пием новое! Не столько новое, сколь новобаварское... Эй ты, личность, — крикнула фигура Христу, — топай сюда. Ты кто будешь?

— Христос, — последовал ответ.

— Христос—говоришь? Не огорчайся, брат, всякие фамилии бывают. Моя вот фамилия Неубейного, и то я ничего... Чей ты?

— Аз емь сын божий.

— Очень приятно. Садись—гостем будешь... Постой, постой... А мать твоя—кто? Уж не дева ли Мария. Хо-хо-хо!

Христос сидел, как на иголках. А собеседник продолжал:

— Дева? Хм... Вопрос по повестке дня: как же она сына родила, ежели она дева. И опять же по паспорту муж ее Иосиф был, он же плотник. Не иначе—измена... А зачем обижать мужа честного пролетария. Он, можно сказать, член союза древообделочников, работает на капиталистов, а она шашни ведет?! Ну да ладно. Главное, чтоб алименты отец платил.

Выпьем за алименты... Куда ж ты?...

Христос «бежал быстрее лани» и, заметив единственное освещенное окно в здании казенного образца, легко проник в комнату (на то он сын божий). За столами сидело несколько человек над толстыми книгами.

— Молятся,—решил он.

— Индейкин,—раздался голос одного из сидящих,—запиши мне 4 часа сверхурочных.

— И мне! И мне!—подхватили другие.

— Не много ли будет? И вообще мы рискуем. От охраны труда влетит. Тем более работать в такую ночь. Сегодня ведь рождество, праздник. Люди богу молятся, а мы...

Оглушительный смех прервал его слова.

— Ишь, религиозный какой! У нас праздник—когда деньги есть...

Обливаясь горькими слезами, Христос приклонился к стене какого-то дома. Вдруг он услышал откуда-то донесшееся пение: нелли дети. Его воображению представилась уютная комната, елка и прыгающая веселая детвора.

— Вот здесь, наконец, я увижу истинно любящих и почитающих меня. И слезы умиления выступили на его глазах.

Он прильнул к окну и через минуту, отпрянув зашатался. То, что он увидел, было выше его сил.

В большой, убранной зеленью и портретами неведомых ему святых, комнате, перед огромной красной звездой, украшенной серпом и молотом, весело маршировали дети и бойко распевали:

Не надо нам монахов, не надо нам попов!
Мы на небо взберемся, разгоним всех богов!

Христос медленно, но верно замерзал. Белые звездочки—снежинки устилали легким покровом погрябшую в неверии и грехах землю, образовав над замерзающим небольшим холм. Отбросив всякую дисциплинированность и уважение к божественным особам, мороз настойчиво крепчал...

Дорогие читатели! Если Христос и в будущем году родится, не верьте: замерз он в ночь под 25 декабря нового стиля, в зиму от рождества Христова—1925-ую, а в годовщину Октябрьской революции—9-ю.

Помпилий.

Роковая случайность.

Англ. газеты сообщают, что Чемберлен, по окончании сессии совета Лиги Наций, поедет в отпуск в какой-либо южный курорт, где возможна его „случайная встреча“ с Чичериным.

Это—случай иль робкий аванс—

Мы подробно узнать не пытались...

Чемберлен напевает романс:

„Мы случайно с тобой повстречались“...

Солнце юга горит в небесах...

Пальмы в грунте растут... не в вазоне...

Будет встреча на пляже... в „трусах“?!

— Нет... не может быть... в зимнем сезоне...

Лорд отбросил обычную спесь?!

Рассуждать он пытается здраво?!

— „Добрый мистер Чичерин! Вы здесь?...

Вот пассаж неожиданный, право!“...

Но куда ж Чемберлен поспешит,

Чтоб лечить и желудок и нервы?

Отдохнуть он в Ментоне решит

Или в Ницце... Лугано иль Нерви?

Ряд курортов есть в южной стране,

Где приятно... уютно... шикарно...

Лишь одно достоверно вполне,

Что не будет „свиданья в Локарно“...

ДИКИЙ.

Приятная неожиданность.

На улицах продаются бутылки с надписью: идеальная жидкость от клопов!

Рис. Гаврилы.

КЛОП:—Чорт его знает, никогда не думал, что моя жидкость имеет ценность для людей...

БЕССМЫСЛЕННЫЙ ПОДАРОК.

Чемберлен и Бриан получают
Нобелевскую премию мира.
(Из газет).

Рис. Кляка.

— Хороша ваза, но что с ней делать, если ни один калибр снарядов не подходит.

Сила внутри нас.

(Монолог. Пригоден, к сожалению, и для хоровой декламации).

Я человек, можно сказать, пьющий, но вреда особенного от этого не вижу, потому характер у меня—во! сказал „нет“, значит—„нет“ и никаких гвоздей. Да вот вам!

Перед этой получкой решил я прямым сообщением домой притопать, ни в какие „баварии“ и „держспирты“ не заглядывая.

Получил это я монету, пересчитал, расписался на ведомости с такой закорючкой, будто нарком финансовый на кредитках. Вышел из конторы, руки в брюки, иду и „коломбину“ насвистываю.

Скажу правду; увидел пивнушку, так сердце и екнуло, а ноги—верите ли—сами подлые мой телесный корпус

к дверям пивной приперли; пришлось чуть не руками их от панели отдирать и на другую линию ставить.

Горько было, а прошел, потому, сами знаете: характер у меня—во! Раз сказал „нет“ значит „нет“. Крышка!

Иду дальше. Слева — „Пивное объединение“, а, справа — Цераб-кооп с полным алкогольным ассортиментом. Ну, думаю, крепись, Митька! Нарочито громко „Красные гусары“ затынул и в голове антипьянные мысли развиваю: яд, мол, опять-же на селезенку плохо.

Прошел таки. А там, гляжу, и третью пивнушку обогнул и даже сплюнул будто от отвращения (слюны-то много набралось!).

Какой характер то, а? Мимо трех прошел и хоть-бы в одну?! Ну, думаю, свинья я буду, ежели за такое, можно сказать, героизм, да я себя малость не побалую. Выпью, мол, одну, бубличком солененьким закушу и прямо, без пересадки, домой. Ну, зашел в следующую.

Музыка „Баядерку“ наяривает, опять-же раки свежие.

А тут и кум подвернулся (попал он на прошлой неделе в „Музей Гаврилы“, а потому и запил с горя). Ну, выбрались мы уже перед закрытием.

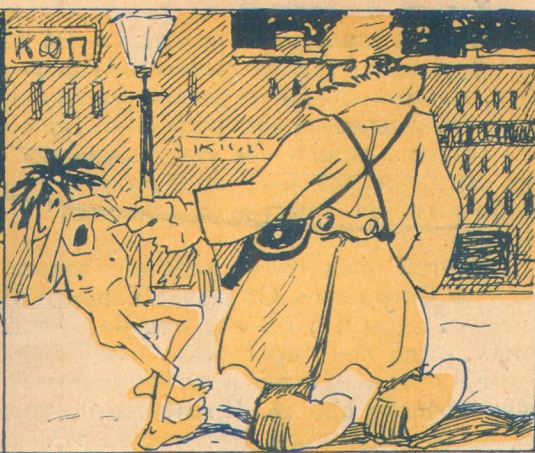
Короче говоря,—начал я, как Нарком, а кончил, извините, как свинья: домой на четырех заявился. Тыфу!...

Но характер-то у меня, характер какой?! Мимо трех пройти и хоть бы в одну?! А?

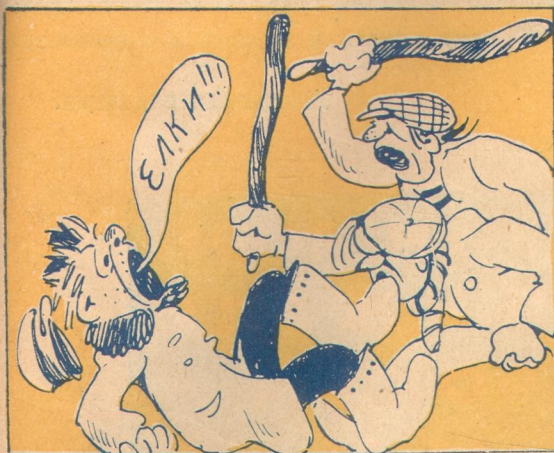
Сергей Чмелев.

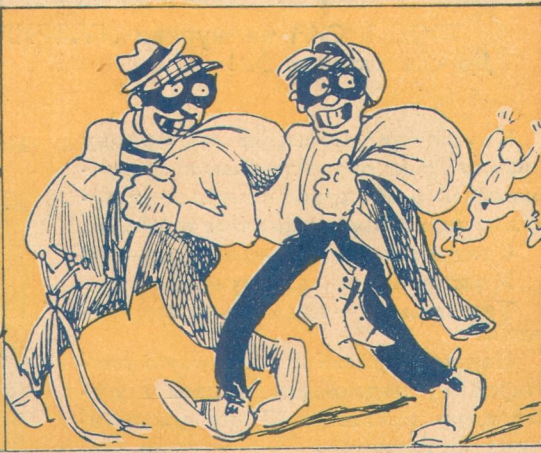
Поступил бы рождественский дед опрометчиво: пришел бы, а ему у нас делать нечего. Зарезали-б бедного деда без ножа: в кооператив послали-б его в сторожа.

Замерзающему мальчику тоже как-то. Как тут выкинешь традиционный трюк?—Дяденька, мне замерзнуть полагается!—Ступай в детдом, много вас тут шляется!

Плохо и с елкой в 1925-ом. Давно у нас елку заменили... матом. В трезвом ли виде, в пьяной ли свалке,—всегда на лицо: и елки и палки.

Вместо ряженых—рыцари темного переулка. Вместо прежних визитов—ночная прогулка. Но старые приемы и у этих отражаются: как ни как, а наряжаются...

Желая подработать кое-что в праздники, повсюду малолетние спекулянты—проказники со звездой. бывало, ходили чередой. Теперь не то: ходят за звездой.

Набы теперь божья мать родила младенца, могла бы она выкинуть коленце: с тысяча девятьсот двадцать шестого получала-б алименты от духа святого.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Хотите, поздравьте, не хотите,—как хотите. А нашему журналу год стукнуло. Что ни говорите, а выпустить 24 №№—это вам не 100 грамм изюму!

Другие по такому торжественному случаю банкет устроили бы, речи говорили бы и, напившись на радостях, стекла начали бы в помещении бить. А мы—не пьем. Трезвая у нас редакция. Больше шахматами увлекается.

Правда, хотели мы как нибудь поскромней отметить годовщину. Один, например, внес предложение запечатлеть редакцию на снимке, потомству в назидание. Пробовали. Да пластинка попалась высокой чувствительности: не выдержала. Лопнула.

Другой предложил ходатайствовать о разрешении на постановку памятника Гавриле Петровичу. Обиделся Гаврила Петрович.

— Где это, говорит, видано, чтоб человеку при жизни памятник ставить. Помру, тогда дело другое.

Решили мы тогда послать срочный запрос Мише Нетудыкину на луну,—да не знаем точного адреса. Прямо таки безвыходное положение. И вдруг—радио-телеграмма от Миши. (см. рисунок внизу).

Приняли. Опять беда: прочесть не можем. Очень уж сложный этот лунный язык.

Так ни к чему и не пришли. А все потому, что скромные мы люди, за славой не гоняемся. Даже и поздравлений нам, ваших не надо. Вместо поздравлений—подписка принимается (цена 2-х №№ в месяц—40 коп.) Как любил говаривать Нетудыкин:

— ПОДПИСКА на журнал „ГАВРИЛО“ куда приятней подписки о невыезде. До следующего №!

Уважаемая редакция.

Как видите, читатель, мы правду сказали. Вот она эта самая радио-телеграмма. В аховое положение поставил нас Миша: никак не прочтем.

Одним словом, ни—типру, ни—ну! Может, вы расшифруете?

Так и быть—премию за это выдадим.

Первый приславший точную расшифровку радио-телеграммы получит пару галош № 18, по рассеянности оставленных в редакции Нетудыкиным перед полетом на луну.

Галошки почти новые. Жаль, правда, нам их, сами-б носили, да ножка у Миши не маленькая. А мы люди маленькие. Так что пользуйтесь нашей добротой: забирайте галошки!

Рис. С.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

1.

Кадило—церковная утварь, употребляемая, между прочим, и на Рождестве. Обычно оно служит орудием производства... кровопролитных побоищ между поборниками мертвой и живой церкви.

2.

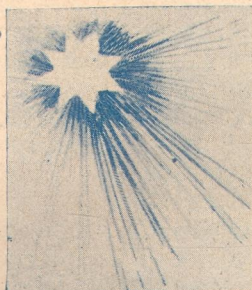
Гусь рождественский—не музейная редкость, хоть и прямой потомок знаменитых гусей, спасших некогда Рим. Теперь в любом доме круглый год на столе, ежели это не утка, так гусь... И на здоровьечко!

3.

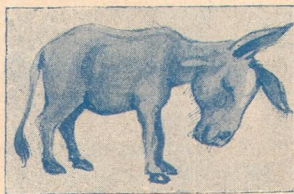
Риза—одна из множества риз, до положения которых в былое время напивались на рождестве верующие. Напивались еще до чертиков и до зеленого змия, но последние отношения к музею не имеют.

4.

Звезда Вифлеемская—служившая во время оно путе-водителем для волхвов. В настоящее время заменена справочником „ВЕСЬ ХАРЬКОВ“ (Из-во „Коммунист“, Сумской пер. № 5. Оптовым покупателям скидка. Там же принимается подписка на журнал „Гаврило“).

5.

Осел—на котором выезжала в свет святая дева Мария. Как известно из священного писания, все святые выезжали на ослах. Теперь это постепенно выходит из моды.

6.

Крест на елку.—Тут уж, читатель, сам пораскинь умом. А то привык ты, чтоб редакция за тебя думала. Экспонат есть? Есть. Подпись есть? Есть. Вот и сообрази: как и почему.

Сии экспонаты собрал и поместил с удовольствием в музей

7.

Иосиф—принявший омоложение по способу профессора Воронова. И как это он попал в музей? Ума не приложу. Парень хоть куда! В самый раз бы жить, да алименты платить.

8.

Барашек—немой свидетель рождества христового в Вифлееме. Хоть и нельзя о нем сказать, что он „ни ба, ни ма“, все же подробности указанного события у него никому до сих пор получить не удалось.

9.

Кочерга.—Вот ее то мы совсем зря поместили в музей. Лежала она в редакции. Глянули мы на нее и вспомнили поговорку: «ни богу свечка, ни чорту кочерга». По ассоциации и сунули в музей.

ГАВРИЛО.

„Финансовая комбинация“.

Бывают иной раз такие рабочие, что супротив спецов высказываются: мол почему им такая преимущественность полагается: ставка наивысочайшая, автомобили, кабинеты, завтрак молочный, телефоны, курьеры... Ведь, по справедливости сказать, люди они общечеловеческие, без особых признаков, а к тому, ежели в профессиональном масштабе к ним подойти, так они, окромя легкого умственного труда, ничем не занимаются.

За что ж им такая отличительность от прочего трудящегося пролетариата дадена?...

Ну, конечно, это все удивительно может быть только малосознательному и бескультурному рабочему. А мне явственно понятно, что спец есть человек заслуженный.

К примеру взять Меньшова Василия Петровича—главбуха пивоваренного завода. С виду человек простой, но ежели в его внутренний мозг заглянуть, голову его, как бы сказать, наружу вывернуть, то там такие таланты обнаружить можно, такой в нем хозрасчетный ум выявится, что без сожаления ему 50 червяков каждый месяц с удовольствием отсыпать можно...

На днях лишь это было, накануне первого числа, перед зарплатой. Прибегает на завод директор наш Коробков бледней бледного.

— Катастрофа приключилась, тов. Меньшов! Как пиво теперь временно в плохом сбыте, стало быть, никакой выручки не видать. Поступлений не предвидится, денег нету и зарплату выплатить не могу я. Выручайте!

Улыбнулся Меньшов.

— Нет, не допущу я, тов. Коробков, чтобы рабочие без зарплаты остались. Зарплату выплатить надо.

— Надо-то, надо, сам знаю,—недовольным голосом заявил Коробков.— А как же платить, раз нечем?

— Это говорит Меньшов,—маловажно. Ежели было б-чем, любой дурак заплатить сумел бы. А вот я все таки требую, что-б неимеючи заплатить.

— Как это так требуете? Чем же платить? Из каких средств?

— Средства надо найти. Я такую финансовую комбинацию придумаю.

— Тут деньги требуются, а не комбинации,—еще пуще взволновался Коробков.

— Я про деньги и говорю. Надо только на два дня займы червонцев 350

В Верхнянском селькоопе (Лисичанск. р-на) потребителям отпускают бакалейные товары только при условии покупки отрывных календарей за 1925 г.

Рис. Самума.

Правдивый.

„ДЕКАБРЬСКОЕ“ ВОССТАНИЕ.

уне
бе-
сов,

достать. Рабочим зарплату раздать и дело с концом.

— Фу, ты, дьявол! — плюнул в сердцах Коробков. — А отдать-то эти 350 червонцев надо?

— Чепуха, — говорит Меньшов, — через два самое большое три дня с благодарностью вернем. На то и комбинация. И ежели вы конкретно желаете...

— Да желаю! — крикнул Коробков. — Желаю видеть наглядным образом из каких средств я заем покрыть могу.

— Можно, — равнодушным голосом ответил Меньшов. — Ежели мы 350 червонцев взаимно возьмем сегодня, зарплату раздадим завтра, то с завтрашнего же дня — наши хлопцы по нашим же пивным барам рассыпятся и всю свою получку там оставят. А на третий день получка эта с баров к нам в кассу вернется, да еще с процентами...

Принял ли Коробков эту комбинацию, мне подлинно неизвестно. Но не в том, конечно, суть. Главное, что я убедился, что действительно уместная голова у спеца. И ежели он отличается от прочих имеет, так это, безусловно, за свои финансовые комбинации. Не так ли?

Я. М. Польский.

ВЕРХИ.

ВЕРХ СКУПОСТИ — торговаться при покупке трамвайного билета.

ВЕРХ НАИВНОСТИ — поскользнуться на харьковском тротуаре и думать, что он на завтра будет посыпан песочком.

ТРЕЗВЫЙ ОТВЕТ.

— Петя, что тебе больше нравится: рождественская елка или звезда на ней?

— Елка! Ею можно печь протопить, а звезда хоть и светит, да не греет.

— С праздничком Рождества вас, Дуня!

— Хорош праздничек. Дитю уже 2 года, а суд еще дела не разбирает.

Сорок градусов (40°).

ДОКТОР (измеряя температуру).

О, у больного сорок градусов с четвертью.

ДРУГ БОЛЬНОГО.

Какая там четверть, доктор. И всего-то пару бутылочек распили.

Вл. С.

ПО СУЩЕСТВУ.

— Далеко отсюда до Павловской площади?

— Да галошных хвостов с пять будет.

— Почему в клубе стало так тихо?

— А это, видите ли, открылись прения об оживлении культработы.

За горло.

Агенты хлебозаготовительных организаций ходят по хатам и агитируют против сдачи зерна другим заготовителям. Агент Сельскохозяйственного союза провел в селении Новоселово сход, на котором добился решения не сдавать Госторгу складов и предоставить все зерно Сельскохозяйственному.

„Правда“.

I.

Панас Рудый, мужик рыжий и серьезный, вертел в руках три червонца, новенькие, как только что выпущенный газетный лист, и недоверчиво говорил:

— Да, может, вы все брешете, товарищ?

Агент Сельскохозяйственного союза, разбитной человек, из бывших экспортеров, прошед-

ший огонь, воду, ГПУ и трудсуд, удрил себя по грязной манишке и завпил:

— Как вам не стыдно?

— Я брешу? Товарищ сельскохозяйственный? Ну, кому вы запродали хлеб Госторгу? Да разве это солидное учреждение? Конечно, хлеб они у вас возмрут, но чтобы вы получили деньги—очень сомневаюсь.

— Уже и задаток дали!

— Завдаток, вы говорите? Не спорю. Спорить и притикословить не смею! Но, во-первых, завдаток это еще не все. А, во-вторых, может быть это фальшивые деньги? Сельскохозяйственный союз—это организация, которая на марксистском фундаменте покупает у вас хлеб и арендует ваши склады.

— Да нет же, у нас склады без фундамента... Прямо на земле.

— Хорошо,—кричал агент. Себе в убыток мы... ираем у вас склады с зерном... Вот вам три червонца, отдайте им завдаток... Мне все равно, но я жалею ваши крестьянские денежки, как рыба об лед. Дайте нам ваш хлеб. Только одна организация,—это наша...

Однако, Панас Рудый, повертев в руках хрустящую бумажку, с душевным прискорбием возвращал ее обратно настойчивому агенту и говорил:

— Та ни, не хочу продавать... Та що ты дивисься на мене, як баран на нови ворота, казав не продам, не продам...

II.

Агент хлебoproдукта стоял перед тем же Панасом Рудым и убеждал его:

Так-с. Запродали, говорите, Госторгу? Очень жаль мне вас, граждан... Разве это солидные учреждения? Ни Госторг, ни Сельскохозяйственный союз вам денег не уплатят... Алеж то ты дурный, аж курыц-ц-я...

— Так вони вже и гроши заплатили, — оправдывается Панас.

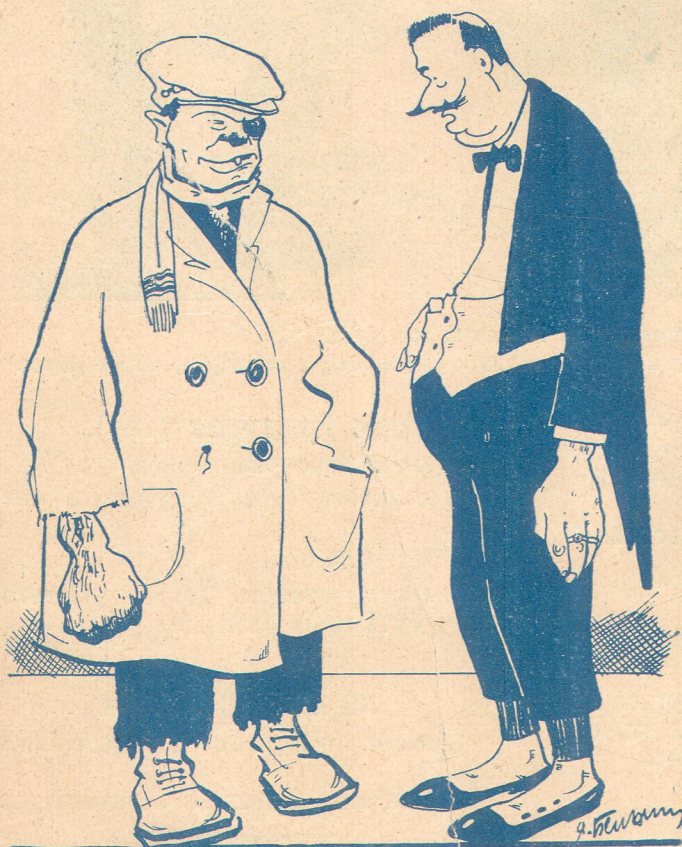
Агент даже руками всплеснул:

— Заплатили? Да ты с ними только свяжись, рад не будешь. Заплатили. А по гражданскому отделению Судебного Департамента Уголовного

251-ый.

В Польше отмечено перепроизводство генералов. Нужно сократить 250 лишних, неизвестно кем и когда произведенных.

(Из газет).

ВОЕН. МИНИСТР:—Так что, дорогой юноша, несмотря на все ваши государственные заслуги, вам придется маленечко с производством обождать.

ГЛАЗ НА ДОНБАСС.

1. БЕЗ ВЫХОДА.

Чтобы облегчить рабочим поиски запасных выходов, в шахте № 26. Виолин (Артемовск) администрация развесила указатели. Но, руководствуясь ими, рабочие всегда попадали в тупик.

К—А.

Пойдешь ты, значит, напрямик.
И вот, пожалуйста, не кстати ли:
Перед тобой—стена! Тупик!
И... тут же рядом—указатели.
Смирись и опусти глаза—
Все ясно тут без возражения:
Браток, ты стал *втупик* из-за
Без-выходного положения.

2. ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД.

Артельщик рудника им. Рухимовича (Артемовск) Ларышкин, написал приятелю за 19 выходов 185 руб., а другому рабочему за 26 выходов—105 р. несмотря на то, что второй выдал на 35 вагонов угля больше первого.

К—А.

Ларышкин встал, как в горле ком,
В нем нет к рабочим сожаления.
Пора, возлюбленный шахтном,
Нажать на рудоуправление.
Ну, не волынь! Пойди, скажи!
—Рабочая в обиде братия!
И тут же выход укажи...
Ларышкину... из предприятия.

Кайло.

Юмор 1925 года.

КОГДА КОНЕЦ.

И что пишут-то? Графа Витте опять
исх, но снова его бог спас.
Да же этому конец будет?

ВОПРОС:

вы взяли, что Дурново воспитывался
он не сделает, все у него выхо-

РАШНОГО СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА.

генерал-губернатора, парочку „изве-
ров, пяток казаков, все это хо-
посыпать Крушеваном и подавать

ИЗ ОДЕССКИХ ДОНЕСЕНИЙ.

Изнасилованный 3-хлетней Ривкой Кригер
всей Иван Затыка скончался в страшных му-
оставив несколько семейств без кормильцев.
ловина преступницы обнаружена на месте,
ке половине при содействии революционеров
удалось скрыться. Розыски продолжаются.

НЕЙДГАРТ.

ИНОСТРАНЕЦ О РОССИИ.

Иностранец, приехавший из России, говорил
своим соотечественникам:

— Вы не можете себе представить, сколько
в России ЗАКРЫТЫХ учебных заведений.

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ.

„Печать должна быть свободной“,—сказал при-
став и, наклеивая печать на двери типографии,
обошелся без веревочки.

РУБИ ЕГО.

ЧЕЛОВЕК (кричит).—Долой подлецов, мошенников
и убийц—всех до одного,

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (обнажает шашку).—А, ты про-
тив начальства?.. Властей не признавать?.. (свистит).
Держи! Держи... Руби его!.

Сказка о всемирнолюбивейших
государях, о премудрых мини-
страх, о храбрых генералах, о
неограниченном самодержавии,
о сладком либерализме, о высо-
чайшем манифесте, о долго-
жданной конституции и о бедном
еврее.

Жил бедный еврей. Что ни случилось,—его
все били.

ДЕД МОРОЗ: На тебе, сынок, звездочку, знай наши

«СЫНОК»: Знаем, на фармазон не подхватишь! Ост